

Агния Кузнецова

Чертова дюжина

ФТМ

Агния Кузнецова (Маркова)

Чертова дюжина

«ФТМ»

1945

Кузнецова (Маркова) А. А.

Чертова дюжина / А. А. Кузнецова (Маркова) — «ФТМ», 1945

«... В комнате были двое: немецкий офицер с крупным безвольным лицом и другой, на которого, не отрываясь, смотрела Дина с порога комнаты... Этот другой, высокий, с сутулыми плечами и седой головой, стоял у окна, заложив руки в карманы. Его холеное лицо с выдающимся вперед подбородком было бесстрастно. Он глубоко задумался и смотрел в окно, но обернулся на быстрые шаги Дины.— Динушка! – воскликнул он, шагнув ей навстречу. И в этом восклицании был испуг, удивление и радость. – Я беру ее на поруки, господин Вайтман, – с живостью сказал он офицеру. – Динушка, не бойся, родная... Он говорил что-то еще, но Дина не слышала. Наконец-то она вспомнила самое главное... Она сказала Косте, как ненавидит их, и только теперь поняла, что ей надо мстить им за отца, за Юрика, а теперь и за Костю. Только так она может жить. Только так могут жить все русские... – У меня к вам поручение, Игорь Андреевич, – твердо сказала она. – Я вот достану... Стремительно подойдя вплотную к Куренкову, из потайного кармана она быстро вытащила маленький револьвер и выстрелила ему в грудь. Куренков судорожно протянул вперед руку, точно пытался ухватиться за какой-то невидимый предмет, и медленно повалился на пол.— Предатель! – крикнула Дина, отбрасывая в сторону револьвер, и, пользуясь замешательством офицера, бросилась в кладовую. ...»

© Кузнецова (Маркова) А. А., 1945

© ФТМ, 1945

Содержание

Часть первая	5
Подземный ход	5
Друзья	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Агния Кузнецова

Чертова дюжина

Часть первая

Подземный ход

Затеевы праздновали день рождения дочери. Дине исполнилось четырнадцать лет. В гости к ней собрались одноклассники – девочки и мальчики.

Екатерина Петровна Затеева решила не смущать детей присутствием взрослых и обед устроила им отдельно, в саду. По желанию Дины стол накрыли в тени старого дуба, между двух клумб с анютиными глазками, душистыми левкоями и желто-коричневыми бархатцами. Иннокентий Осипович Затеев еще утром соорудил около стола деревянные скамейки.

В четыре часа дня шумная компания разместилась на скамейках вокруг стола. Именинница осторожно засучила пышные рукава новенького розового с черными горошками платьица и приступила к обязанностям хозяйки. Она разложила на тарелки дымящийся мясной пирог, придвинула каждому поближе тарелку с бульоном. Гости вначале смущались, но скоро зазвенели ложки, застучали ножи, и все с аппетитом принялись есть.

Взрослые расположились на террасе. Здесь был толстый учитель физики Тарас Викентьевич Гринько, инженер Игорь Андреевич Куренков, худенькая старушка Ольга Семеновна Петерсон и родители Дины.

Иннокентий Осипович часто вскакивал из-за стола, проворно сбегал по ступенькам в сад проведать молодую компанию.

Разговор у стола между клумбами моментально стихал, и ребята с уважением смотрели на отца Дины – маленького, лысого, с мохнатыми, как у Толстого, бровями. Затеев был директором школы, в которой учились ребята. Они любили его и немного побаивались.

– Ну, как? – осведомлялся Иннокентий Осипович и, не дождавшись ответа, упрекал Дину: – Хлеба-то у вас почему нет? А Костя что именинником сидит? Рябчик на тарелке целёхонек!

Он покидал притихших ребят, тер лысину холеной рукой с перстнем на мизинце и про себя рассуждал: «Спугнул, спугнул молодежь. Пусть уж сами как хотят...»

Он возвращался на террасу, смеялся, острил, и здесь снова становилось шумно и весело.

– Что же вы, Ольга Семеновна, зарок, что ли, дали у нас не кушать? – говорил он. – Я в сад уходил, вы в блюдечко смотрели и теперь так же сидите. Может быть (он хитро подмигнул), о женихе гадаете?

– Хи-хи, хи-хи! – в ответ дребезжала старушка, и на ее седой голове вздрагивала крошечная шишечка волос.

Екатерина Петровна разливала чай.

– Кончайте курить и пейте чай, – обратилась она к Куренкову.

Он вежливо приподнялся в кресле, отвесил полупоклон, но предпочел оставаться у перил террасы.

– Кушайте, Тарас Викентьевич, – продолжала хозяйка, подвигая вазу с печеньем толстому гостю, а сама чуть заметно улыбалась. Она знала, что Тараса Викентьевича Гринько можно не угощать: везде он чувствовал себя как дома и ел невероятно много.

– Скушаю, все пшендечки скушаю, дорогая моя! – гудел Тарас Викентьевич. – У меня аппетит в дедушку Крылова.

Он вытирал клетчатым платком потное румяное лицо и с удовольствием уничтожал пряники, ватрушки, хворост.

– Что это вы, Игорь Андреевич, ребят так изучаете? Рисовать их, что ли, задумали? – смеясь, спросил Иннокентий Осипович.

– Если б умел, обязательно нарисовал бы, – оживленно отозвался Игорь Андреевич.

Он всем корпусом повернулся к Иннокентию Осиповичу, широкими приподнятыми плечами загораживая все кресло.

И не первый раз залюбовался Иннокентий Осипович прекрасной линией его лба и носа, гордым ртом и чуть-чуть выдающейся нижней челюстью. Куренков, несмотря на свои сорок лет, был совершенно седым.

– Вот посмотрите на Динушку. – В голосе Игоря Андреевича зазвучала отцовская нежность.

Иннокентий Осипович переглянулся с женой. Она вздохнула и отвернулась. Три года назад у Куренкова умерли дочь и жена. Дочь, по его словам, очень походила на Дину. С тех пор он горячо привязался к Дине и часто стал бывать у Затеевых.

– В розовом платьице она походит на ландыш – стройная, высокая. А волосы... смотрите: по последней моде – косички кверху и бант. Какой у нее необычный и красивый загар, – продолжал Куренков. – Теперь смотрите: рядом с ней девочка совсем другого типа.

– Это Саша Семенцова, – подсказал Иннокентий Осипович.

– Верно, предки цыгане, ишь какая кожа черная. Некрасивая девочка. А волосы чудесные – косищи какие, ниже колен! Смотрите, блестят как!

– Да вы в самом деле художник! – засмеялся Иннокентий Осипович.

– Каждый человек немножко художник, – улыбнулся Куренков. – Вот эту курносую девочку с двумя косичками я чаще всех встречаю с Динушкой. Верно, это ее любимая подруга.

– Это Наточка, – вступила в разговор Екатерина Петровна. – Очень хорошая девочка – умница, одаренная, серьезная.

– У этой девочки есть один дефект, – заметил Иннокентий Осипович, – она неопрятна. Ногти у нее всегда как у хищника, с траурной каймой.

Все засмеялись.

– А рядом, – продолжал Куренков, – невероятный блондин, но это не альбинос.

– Его в школе зовут «Витя Беленький», – сказал Иннокентий Осипович. – Каюсь, мой любимец. Удивительный парень: какой-то весь светлый, чистый, честный. Да и товарищи его любят...

Понемногу все взрослые собрались у перил террасы.

– А этот, – указывая головой на черного худенького мальчика, – гудел Тарас Викентьевич, – Костя Зарахович. Смотрите, Игорь Андреевич, какой тип, а?

В это время стукнула калитка, и в саду появилась тоненькая девушка в белом платье, с волосами, завитыми в мелкие кудряшки.

– Кира! – всплеснула руками и почему-то удивилась Ольга Семеновна появлению своей дочери.

Кира только входила, а ей навстречу по дорожке сада уже мчалась Дина.

– Вот этой дружбой я недоволен. Разница лет, да и вообще... – потирая лысину ладонью, тихо сказал Иннокентий Осипович самому себе, но Куренков слышал и пожал плечами, точно хотел сказать: «В выборе друзей дети не всегда спрашивают родителей».

Кира обняла Дину за шею и, осторожно целуя в щеку крашеными губами, сказала:

– Поздравляю, Дина, с днем рождения и дарю тебе вот это.

Она протянула крошечный сверток. Дина развернула его. В бумаге лежала маленькая бронзовая пудреница в форме сердечка. Внутри было круглое зеркальце.

– Ой, какая чудесная! – обрадовалась Дина и, подхватив Киру под руку, потащила ее к детскому столу.

Обед кончался, когда у стола появился запыхавшийся Иннокентий Осипович с подносом в руках и бутылкой под мышкой.

– Ну, друзья мои, в честь рождения Дины не зазорно будет выпить и вам по рюмочке вина. Я эту бутылку со дна моря от капитана Немо добыл. Не верите?

– Не верим! – серьезно за всех сказал Витя Беленький, не сводя голубых глаз с Иннокентия Осиповича и пытаюсь угадать, шутит он или говорит серьезно.

– Ну, не верьте! – спокойно продолжал Иннокентий Осипович, ставя поднос с бутылкой и рюмками на край стола.

– Ой, папа, какой ты догадливый. Ты, верно, и берег эту бутылку для моего рождения! – ликовала Дина, помогая отцу разливать вино в рюмки.

– Вот Кире в эту большую. Она ведь взрослая! Ну, папа, и молодец же ты! Не верите, что бутылка от капитана Немо? – со смехом обратилась она к ребятам. – Ну и хорошо, что сказкам не верите, – лукаво поглядывая на отца, продолжала она. – Но что бутылка со дна моря, с какого-то затонувшего корабля – это точно. Ее папе знакомый капитан подарил и сказал: «Берегите до значительного дня».

Рюмки были налиты. Иннокентий Осипович взял свою рюмку и сказал:

– Ну, ребята, выпьем за счастливое будущее именинницы, за счастливое будущее всех вас!

Ребята неумело чокнулись и осторожно выпили «вино со дна морского».

После обеда Кира присоединилась к обществу взрослых и занялась проснувшимся Юриком – трехлетним братом Дины, а ребята затеяли старинную игру в палочку-застукалочку.

Варя и Костя вышли на широкую тихую улицу, поросшую травой. Костя размахнулся и бросил палку. Она покатила по дороге, вздымая пыль. Варя вприпрыжку побежала за палкой, а Костя во двор. Он видел, как в калитке огорода мелькнуло розовое с горошками платьице и, не думая о том, хорошо ли можно спрятаться в огороде, бросился туда же. Он нагнал Дину в молодом березнике. Она приложила палец к губам в знак того, чтобы он молчал, и присела в высокой траве. Костя рядом опустился на землю.

– Знаешь, Дина, – прошептал он, задыхаясь от быстрого бега, – я тебе подарок один... не хотел только при всех... Вот возьми... Только плохо...

Он вытащил из кармана кусок александрийской бумаги, скрученный трубочкой и перевязанный белой ниткой.

Дина взяла сверток и хотела разорвать нитку. Но Костя остановил ее:

– Ты потом, без меня. Там стихи и рисунок.

Дина вспыхнула и смутилась. Она знала, что надо поблагодарить Костю за подарок, но почему-то молчала и, досадуя на себя, смущалась еще больше. Из сада доносился звонкий голос Вари:

Палочка-застукалочка идет,
Кого первого найдет,
Тот за палочкой пойдет.

Затем послышался визг, смех, стук палочки. Костя приподнялся, вытянул шею.

– Витю Беленького нашла... Сашка бежит. Скорее! Застучалась, – со смехом прошептал он.

– Сиди, не выглядывай, – строго сказала Дина, но было уже поздно.

– Костя! – крикнула Варя и понеслась со всех ног к застукалочке.

Костя подмигнул Дине и, шепнув: «С выручкой!», направился в сад. Палочка стучала снова, значит, Варя нашла Нату. Теперь всех могла выручить только Дина.

Хлопнула калитка огорода. Дина приподнялась и увидела Варю. Она осторожно шла между гряд, повертывая голову то в одну, то в другую сторону. А в щели забора с надеждой смотрели четыре пары глаз. Дине даже показалось, что она различает черные, блестящие глаза Кости.

Нужно было опередить Варю, но она стояла совсем близко у калитки. Дина решила ползти и с сожалением взглянула на новое платье.

– Динка! Все равно попадешься! Сдавайся лучше! – крикнула Варя, топчась на месте. Она не решалась отойти от калитки.

Раздумывать не было времени. Дина легла и осторожно поползла в высокой траве. Она припадала к земле, медленно двигалась вперед, руки заплетались в крепких стеблях травы, ноги не слушались.

Варя нерешительно пошла в глубь огорода. Дина приподнялась, взглянула. Теперь она и Варя были на одинаковом расстоянии от калитки.

Дина вскочила, легко перепрыгнула через грядку и понеслась к калитке. Легкая, тонкая, бежала она, чуть касаясь земли ногами. Костя широко распахнул калитку и захлопнул ее перед самым носом раскрасневшейся, неуклюже скакавшей через гряды Вари. Палочка оглушительно застучала по ступеньке крыльца.

– Тише, тише, Дина! – сказала с террасы Екатерина Петровна и, всплеснув руками, воскликнула: – Что это у тебя с платьем?!

Но Дина не слышала. Она крутилась, как волчок, и кричала:

– С выручкой, с выручкой!

– С выручкой! – приплясывали Витя Беленький, Ната, Саша и Костя.

Варя стояла красная, сердитая.

– Я спрашиваю, что ты сделала с платьем? – строго, повышая голос, повторила Екатерина Петровна.

– Ползла, мамочка, ребят-то надо было выручить, тут уж не до платья...

Дина взглянула на порванную юбку. Ей стало жаль новенького платья, но главное – стыдно было перед матерью. Это платье утром подарила ей Екатерина Петровна. Ночь она сидела за машинкой, желая непременно окончить подарок к сроку.

Екатерина Петровна сердито отвернулась и отошла к столу.

– Ничего, Дина, – сказала Саша, – ты его сейчасними, а потом я помогу тебе розовой ниткой зашить, и ничего не будет видно.

– Правда? – обрадовалась Дина и побежала переодеваться.

Витя Беленький взял палочку-застукалочку и обратился к Варе:

– Ну-с, снова придется вам топтать за палочкой.

– Не пойду. Надоело так играть.

– Ага! Как второй раз голить – так надоело. Нет, гражданка, это не по правилам. – Витя решительно направился за ворота.

– Пойдемте на реку, – спускаясь с крыльца, предложила Дина.

– На реку! – поддержали все и побежали к плетню огорода.

Когда они лезли через плетень, Дина выронила из кармана Костин подарок. Сверток упал на резные листья крапивы. Его подняла и спрятала в рукав Саша Семенов. Она догнала Дину и, поглядывая на нее, хотела спросить, что у нее пропало, и, подразнив, возратить потерянное. Но любопытство взяло верх. Девочка забежала в мелкий березник, присела и, осторожно распутав нитку, развернула бумагу.

В тонко очерченной рамке, перевитой незабудками и ромашкой, печатными буквами были написаны стихи. Вверху красивым шрифтом выведено:

«В день четырнадцатилетия Дине Затеевой от Кости Зарахович на память».

Саша с увлечением стала читать Костины стихи.

Особенно ей понравилось одно четверостишие, и она несколько раз перечитала его:

Караван наших дней быстрокрылый
Улетает и тает, как дым...
Знаю, в сердце, что есть и было —
Навсегда оставляет следы.

– Вот здорово, – прошептала она, свернула бумагу трубочкой, завязала ниткой и с сожалением подумала, что теперь каникулы. Будь сейчас учебное время, Саша непременно рассказала бы всему классу о том, что Костя сочиняет Динке стихи, и уж разыграли бы они и поэта и именинницу.

Саша догнала ребят, подала Дине сверток и сказала насмешливо:

– Маша-растеряша!

Дина вспыхнула, взглянула на Сашу, и по тому, как та сразу же посмотрела на Костю, ей показалось, что она читала стихи. Костя все это видел. Он нахмурился и вскоре, уловив удобный момент, схватил Сашу за длинные косы и со злостью в голосе крикнул:

– Но, чалка длиннохвостая!

Он дернул так больно, что Саша закинула кверху голову и на ее глаза навернулись слезы.

– У, Пушкин! – сердито сказала она.

Теперь Костя окончательно убедился, что Саша читала его стихи.

Они шли через пустырь. В стороне зияла ровная четырехугольная яма. Здесь еще в давние времена был приготовлен фундамент, очевидно предназначенный для дома с подвальным этажом. Яма глубиной около двух метров, была завалена большими камнями и поросла высокой густой травой.

Впереди шли Дина и Ната. Когда они были вместе, то Дина казалась особенно высокой и хрупкой, а Ната здоровой и коренастой. Несмотря на торжественный день – именины лучшей подруги, – Ната была одета небрежно. Пояс коричневого платья придерживала большая английская булавка. На спине из четырех пуговиц две отсутствовали.

Девочки подошли к краю фундамента. Саша с Варей шли шагах в десяти, оживленно перешептываясь. Мальчики скрылись под яром.

– Спрячемся! – шепнула Ната, указывая на яму.

Дина быстро оглянулась, убедилась, что ее и Нату подруги не замечают, присела и, посмеиваясь, осторожно спрыгнула вниз. Ната последовала за ней.

Они забились в угол, прислушиваясь к шагам и разговорам наверху.

– А где же девчата? – услышали они удивленный голос Вари. – Неужели к реке спустились?

Послышался дружный топот ног, должно быть, девочки побежали.

Дина с Натой переглянулись и засмеялись. Они продолжали сидеть на корточках в углу ямы и разговаривали шепотом.

– Динка-а-а!

– Нат-ка-а-а! – доносилось издали.

Их искали. Хотелось спрятаться подальше. Дина изо всех сил прижималась спиной к холодному камню, словно от этого она становилась менее заметной. Неожиданно на плечи ей посыпалась земля. «Подкрались, увидели», – подумала она, осторожно приподнимая кверху голову. Но наверху никого не было.

Земля осыпалась между ровными четырехугольными камнями, к которым прижималась Дина. Она повернулась и заметила, что камень, около которого она стояла, отличался от других

камней – гладкий и темный, он скорее походил на плиту. Она наклонилась, взяла щепку и ткнула ею между камней. Щепка без усилий вошла туда.

Земля посыпалась опять, и между камней образовалась дыра. Дина просунула туда руку и громко сказала:

– Там пусто!

– Тише ты! – зашептала Ната. – Они же тут.

Но Дину теперь больше всего на свете занимала дыра между камней.

– А что, если там клад?! – серьезно сказала она. – Ну-ка, попробуем сдвинуть камень!

– Смотри! Да он совсем плоский, – нащупывая пальцами плиту, громко удивилась Ната.

Они обе просунули пальцы в щель, схватились за край плиты, изо всех сил потянули ее и чуть не свалились – так легко подалась она вперед и упала. Девочки отскочили и со страхом смотрели то на черное отверстие, зияющее в фундаменте, то друг на друга.

– Что же это такое? – наконец сказала Ната, приближаясь к отверстию. – Там ступеньки, Дина. Что же это – погреб?

Дина подошла, заглянула. Свет падал на две каменные ступеньки – дальше ничего не было видно.

– Нет, это не погреб, – в раздумье сказала она. – Разве бывает погреб под домом? А ведь тут должен был быть дом. Что же это такое? Темница? Подземный ход? Кто же начинал строить этот дом?

– Давай позовем ребят, – предложила Ната.

Они стали кричать.

Первый отозвался Костя:

– А, вот они где!

– Костя, зови скорее всех! Тут что-то страшное, интересное! Смотри – подземный ход! – кричала Дина, заглядывая в темное отверстие, но не решаясь туда войти.

Костя, не раздумывая, прыгнул в яму, за ним прыгнул Витя Беленький.

Костя с Витей внимательно осмотрели ход.

Спуститься вниз по каменным ступенькам оказалось невозможно без света, а спичек ни у кого не было.

– Я сбегая за электрическим фонариком, – предложила Дина.

С помощью ребят она выкарабкалась из ямы и что было сил помчалась домой.

Около дома Дина встретила Куренкова. Худой, высокий, он шагал как-то отлично от всех, сутуля широкие плечи, приподняв голову, выставив вперед подбородок. В сером костюме, с седыми непокрытыми волосами, Дине казалось, он походил на американца.

– Куда это, Динушка, такими темпами? – спросил он и, как обычно при виде Дины, улыбнулся широкой отцовской улыбкой.

– Игорь Андреевич! – сказала Дина, останавливаясь и тяжело дыша. – Мы нашли подземный ход! Знаете, там, в фундаменте недостроенного дома.

И Дина торопливо рассказала Куренкову свое открытие.

Удивила она его своим рассказом или нет, Дина не знала. Красивое лицо Куренкова всегда было однообразно-спокойно, и никакие переживания не отражались на нем. Таким же спокойным оно было и теперь. Ни удивления, ни любопытства, ни сомнения не появилось на нем. И Дину это огорчило. Но когда Куренков изъявил желание посмотреть подземный ход, она обрадовалась и представила себе, как будут довольны ребята, что она приведет главного инженера военного завода посмотреть на их открытие.

У Куренкова были с собой спички, и Дина не пошла домой за фонариком. Они повернули и быстро направились к реке.

С зажженной спичкой Куренков первым спустился вниз по каменным ступенькам в темноту неизвестного отверстия. Он шел медленно, согнувшись почти вдвое. За ним, также

согнувшись, шла Дина, остальным ребятам свод подземного коридора не мешал идти почти не сгибаясь.

Впереди чуть мелькал свет от спички Куренкова, пахло сыростью, землей... Было душно и тревожно.

– Вот и конец, – громко сказал Игорь Андреевич. – Кто-то, видно, затевал подземный ход, да пороку не хватило, оставлено на половине. Поворачивайте, ребята!

– А что там, в конце? Двери нет? – интересовались ребята.

– Ничего нет. Одна глина, – ответил Куренков.

Начало подземного хода Костя и Витя Бельский закрыли плитой, и, оживленно рассуждая о своем открытии, все двинулись к дому Затеевых.

Куренков широко шагал впереди, ссутулив могучие плечи и выставив подбородок.

– Я советую вам, ребята, о своем открытии не говорить ни одной душе, даже родителям.

– Почему, Игорь Андреевич? – удивилась Дина.

– А вот почему, – продолжал Куренков. – Этот подземный ход, вот в таком неоконченном виде, для нас, взрослых, интереса не представляет. Ход недоделан. Куда он ведет – неизвестно. Да и зачем он нам? Очевидно, некто, строивший его, имел свою цель. Если вы сообщите даже только своим родителям, поверьте мне, они скажут родным, знакомым, и постепенно узнает весь город. Все будут ходить туда, смотреть, его запакостят – и только. А если вы сумеете до поры до времени сохранить свое открытие в тайне, потом мы придумаем вместе, как полезнее использовать его. А пока оставьте его в собственном пользовании – играйте здесь...

Ребята согласились с предложением Куренкова. От этого решения на сердце у Дины стало тревожно. Она привыкла делиться с родителями всеми радостями и огорчениями своей жизни, особенно с отцом. Екатерине Петровне всегда было некогда до конца выслушать рассказы дочери, кроме того, она бранила ее за каждую шалость. И Дина иногда с огорчением думала: «Неужели она не понимает? Ведь она тоже была девочкой?»

Отец Дины, наоборот, всегда находил время заняться с дочерью. Он с интересом слушал ее рассказы о ребятах, помогал ей разбираться в прочитанных книгах и вместе с ней пел ее любимые песни. Дина привыкла жить с отцом одной жизнью.

Вот поэтому-то, когда по совету Игоря Андреевича ребята дали друг другу честное пионерское хранить в тайне свое открытие, Дине стало не по себе и домой она возвратилась взволнованная.

Вечером, разбирая подарки, полученные в этот день, Дина невольно улыбнулась. Самым дорогим подарком для нее было не розовое (уже порванное) платье, не лупа, подаренная Куренковым, не увлекательные романы Жюль Верна, о которых она мечтала давно. Самым дорогим подарком были Костины стихи, посвященные ей. Целый день она помнила о них, и мысль о том, что вечером она их прочтет, доставляла радость и какое-то непонятное волнение.

В этот вечер она говорила с отцом мало и не рассказала ему о двух самых важных моментах сегодняшнего дня: о подземном ходе и о Костиных стихах. Сказать о первом она не имела права, а о втором... не сказала потому, что не хотела посвящать в свои взаимоотношения с Костей даже самого близкого ей человека – отца.

Перед сном Дина на минутку задержалась с отцом на террасе. Целуя дочь в лоб, Иннокентий Осипович задумчиво сказал:

– Когда мне исполнилось четырнадцать лет, я уже работал помощником кочегара. Нелегко мне тогда приходилось. Ты этого никогда не узнаешь. У тебя позади только радость. И сегодня лучшее мое пожелание тебе, именинница, такой же полной радости и впереди.

Они оба перегнулись через перила и смотрели на черные шелестящие кусты сада, вдыхали тонкий аромат цветов, травы, листьев. До них долетал затихающий шум маленького города: обрывки песен, лай собак, неясные шорохи. Казалось, никакая сила не может нарушить мира, тишины, покоя этого городка, затерявшегося в глухих лесах недалеко от Москвы.

На душе у Дины в эту минуту было так спокойно, так радостно, что слова отца показались ей ненужными и немного смешными. Она звонко рассмеялась и обняла Иннокентия Осиповича.

Друзья

Затеевы собирались на пасеку к дедушке. Иннокентий Осипович оставался в городе, потому что в его школе шел капитальный ремонт.

Екатерина Петровна с утра укладывала чемоданы, нервничала, сердилась. Маленький Юрик капризничал. Суматоха в доме ему не нравилась: на обычных местах не было игрушек, его забыли вовремя покормить, на него не обращали внимания, а еще хуже – требовали, чтобы он не вертелся под ногами и сидел где-нибудь в сторонке. Сидеть же в сторонке Юрик никак не мог. Ему необходимо было знать, что завертывала мама в бумагу, попробовать, не провалится ли крышка чемодана, если ее потоптать ногами, потрогать пальцем недавно испеченные ватрушки – горячие они или нет.

Раньше все это ему разрешалось, а сегодня его гнали, ругали и даже шлепали. Юрик сердился и капризничал.

Дина сначала помогала матери, но потом это ей наскучило, и она побежала прощаться с подругами. Ната Савельева жила рядом со школой. Дина направилась к ней через боковую калиточку школьного двора.

Во дворе на бревнах сидела Варя и еще несколько девочек, одноклассниц Дины. На заборе висел Мирошка. Про него в классе говорили: «Первый ученик с краю, никогда ничего не знаю». Дина подошла к девочкам. Увидев ее, Мирошка соскочил на землю и, низко кланяясь и кривляясь, почти пропел:

Караван наших дней быстрокрылый
Улетает и тает, как дым...

На бревнах послышался смех, Дина остановилась, щеки ее вспыхнули, на глаза навернулись слезы. Она взглянула на смеющихся девочек, повернулась и побежала прочь, а вслед ей неслись слова:

Знаю, в сердце, что есть и было —
Навсегда оставляет следы.

С пылающими щеками она вбежала во двор Наты. Ната в окно увидела подругу и вышла на крыльцо. Взглянув на Дину, она поняла, что у нее не спокойно на сердце, но промолчала, зная, что та расспросов не любит, а если сочтет нужным, сама расскажет обо всем. В самом деле, вскоре Дина заговорила о том, что ее огорчило.

– Знаешь, Ната, Мирошка становится просто невозможным, – сказала она. – Кривляется, как цирковой шут, а девчонки наши поддерживают его, смеются над его глупыми выходками, поощряют их. Вот сейчас он начал меня дразнить, а Варя, Зинка, Наташа и Верка с ним заодно.

Дина с Натой сели на ступеньки крыльца. Двор был грязный, засыпанный стружками, обломками кирпича, заваленный дровами и бревнами. Крыльцо было тоже грязное, затоптанное глиной. Ната, как всегда, не обратила внимания на это, но Дина отыскала в кармане тряпочку, вытерла ею ступеньку и тогда только села.

– Папа говорит, – неожиданно сказала она, – что в нашем возрасте всего понять нельзя не из-за недостатка ума, а потому, что нами пережито еще слишком мало. Я с ним всегда по этому поводу спорю.

Она поднялась, за руку потянула Нату к себе и, когда та встала, обтерла под ней ступеньку. Обе улыбнулись.

– А сейчас мне кажется, что во многом папа прав, – продолжала она. – Вот я, например, решительно не понимаю, почему девчата и ребята смеются, когда дружат девочка с мальчиком.

– Девчата с ребятами смеются, а взрослые – ты замечала, Дина? – сердятся и еще больше не понимают такой дружбы, – горячо отозвалась Ната. – Вот на тебя с Костей Зоя Николаевна косо смотрит. Замечала?

– Замечала, – уныло отозвалась Дина. – А чего же тут плохого?

– Не знаю. По-моему, ничего плохого нет.

Ната задумалась, а потом, не отрывая взгляда от красной железной крыши школы, виднеющейся из-за забора, сказала:

– А все-таки в этом есть что-то стыдное.

– Почему? – Дина быстро взглянула на подругу.

– Скажу почему, только, чур, не обижаться.

Дина молчала.

– Ну, вот ты моя подруга. Ты мне все говоришь. Все, верно ведь?

– Все, – несмело подтвердила Дина.

– А сегодня я стороной узнаю то, о чем вся школа уже знает, что вчера Костя тебе стихи подарил. Ты мне об этом не сказала... – Ната взглянула на Дину, но, заметив, что та покраснела, снова стала внимательно разглядывать крышу школы. – Тебе, наверное, было стыдно сказать мне об этом?

– Совсем не стыдно.

– А чего же ты краснеешь? Ну, а Иннокентию Осиповичу ты показала стихи? Ты же от него ничего не скрываешь?

– Н-н-ет!

– Значит, тоже стыдно, – тоном, не допускающим возражения, сказала Ната.

По двору, припадая на правую ногу, прошла высокая толстая старуха в очках. Она осторожно несла что-то в переднике.

Обе девочки приветливо поздоровались с ней.

Старуха на минуту задержалась, улыбнулась, и во рту ее блеснули белые, совсем молодые зубы.

– Сегодня уезжаете? – спросила она Дину низким, почти мужским голосом, сдвигая очки на кончик носа и посматривая исподлобья.

– Едем, Семеновна! – ответила Дина.

– С подружкой проститься пришла? А тебя давеча Костя Зарахович спрашивал.

«И она о Косте!» – с досадой подумала Дина и почувствовала, что у нее горят уши.

– Он, кажись, на школьном дворе, – продолжала Семеновна, внимательно приглядываясь к смущенному лицу девочки.

В это время из-за забора появилась кепка причудливой формы, затем она скрылась. Немного погодя показалась круглая, стриженная голова Мирошки. Должно быть, он на чем-то стоял за забором. Он нарочно громко откашлялся, помахал над головой балалайкой с порванной струной и, кривляясь, сказал:

– «К Дине». Романс Зарахович. Музыка – экспромт Мирона Подковыркина. Исполняет он же.

Мирошка запел нежным голосом:

Караван наших дней быстрокрылый

Улетает и тает, как дым...

Знаю, в сердце, что есть и было —

Навсегда оставляет следы.

Семеновна строго взглянула на Мирошку и, припадая на правую ногу, подошла к забору:
– Ну-ка, слазь, Мирон! Что у тебя, совести, что ли, нет – посмешищем всем служишь?
Мне, старой, за тебя совестно!

Девочки ждали, что Мирошка нагрубит Семеновне, но неожиданно он натянул на глаза подобие кепи, что-то буркнул и исчез.

Семеновна сердито одернула платок на голове, передвинула очки с кончика носа на обычное место и пошла дальше.

Девочки молча смотрели ей вслед. Школьную сторожиху Семеновну любили и уважали не только дети, но и взрослые. Дети любили ее больше своих учителей, любили за то, что она жила интересами школьников.

Как-то Семеновна позволила себе вмешаться в дело 6-го «А» и встать на защиту самого шаловливого ученика. Это случилось незадолго до дня рождения Дины.

Плохая дисциплина и неуспеваемость в классе Мирошки Подковыркина вынудили пионерскую организацию поставить вопрос о нем на собрании отряда. Мирошка выступил и, ломаясь, сказал, что виною всему его нелепая фамилия. Ей он обязан своим поведением, и пока он носит ее – изменить свое поведение он не может, а галстука пионерского (если его исключат) все равно не снимет, так как он ему к лицу.

Выступлением Мирошки пионеры были возмущены и единогласно постановили Подковыркина из пионерской организации исключить.

Семеновна в это время кипятила титан в соседней комнате и слышала, что говорили на собрании отряда.

Прихрамывая, вошла она в комнату. Очки ее ютились на кончике носа, а глаза поверх них смотрели строго.

– Ну-ка, дайте старухе слово сказать, – попросила она вожатую Галю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.